

чужой
среди
своих

ДАНИИЛ

ВОЙНОЕ БЕССОСЛОВИЕ

мемуары

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Перед вами ознакомительный фрагмент книги Даниила Безсонова «Чужой среди своих». Это книга воспоминаний киевлянина Даниила Безсонова, героя Русской Весны и известного деятеля ДНР. Мемуары посвящены событиям 2014 и 2015 года, в которых автор принимал непосредственное участие: русское восстание в Донецке и Мариуполе, оборона Славянска, становление ДНР.

Приобрести книгу можно на сайте издательства:

chernaya100.com

Предисловие редактора 8

Предисловие автора 12

ДОНБАССКИЙ ПЛАЦДАРМ 14

Революция 20

Странное задание 36

ОБОРОНА СЛАВЯНСКА 72

Прибытие 88

Война 106

Черевковка. Блокпост Смольный 138

Первый обстрел 156

Попытка взять холм под контроль 168

Казнь 182

Вылазка за очистительные 186

Месяц непрерывной прожарки 196

Исход 230

НОВАЯ ЖИЗНЬ 244

Прощание с домом 250

Группа Самурая 260

Внутренние войска 292

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 302

Спутники «Чёрной Сотни» 306

Защитники «Листвы» 312

Читайте также 314

Представьте: 2014 год, вы русский человек с Киевщины, причём бывший мент. А в Киеве Майдан, революция, нацисты и русофобы кидаются коктейлями Молотова, призывают вешать русских и в конце концов устраивают кровавый переворот, первым же указом запрещая русский язык, и издеваются над беркутовцами.

И вот — вы отправляетесь на Донбасс, который не поддержал Майдан и восстал, желая воссоединиться с Россией. А там вам говорят: «Да ты, парень, из Киева? А чего ты тут забыл? Уж не бандеровец ли ты часом?» Ну и ставят под стволы, чего мелочиться-то?

Если суммировать, примерно в такой ситуации оказался автор. Согласитесь — так себе ситуация. И как быть? Дать заднюю? Вернуться в Киев и принять украинизацию самого себя? Уехать из страны-404 в Россию, да жить себе тихонечко, по стеночке?

Нет, всё это решения для коня фанерного. Правильное решение: поддержать Донбасс, пацанов со стволами переубедить, а затем постепенно и возглавить, присоединиться к стрелковцам, дать бой укропам в Славянске, потом поехать в Донецк строить местную государственность и порвать с прежней киевской жизнью ради своих идеалов, ради освобождения родного города от украинизаторов и бандеровцев.

Об этом — воспоминания Гудвина «Чужой среди своих». Это первая книга авторских воспоминаний, которую мне выпала честь редак-

тировать. Задача оказалась сложнее, чем я изначально думал: важно было не только помочь автору ясно изложить события, но и сохранить его личную интонацию. С такими текстами следует работать максимально деликатно, что мы вместе со вторым редактором, Александром Жучковским, и старались сделать. Надеюсь, результатом будет доволен и автор, и читатель. Особенно автор – человек серьёзный, может и предъявить, сами понимаете.

Война 2014 года, как и СВО, породила множество мемуаров. Некоторым из них суждено будет навсегда войти в русскую культуру и историю. Я надеюсь, что книга, которую вы держите в руках, станет одной из таких.

Она очень честная – автор ничего не надумывает, не пытается изображать из себя большого литератора, написавшего эпопею для обязательного изучения в школах. Он просто рассказывает свою историю на фоне героических и страшных событий. 2014-й – год зачатия новой эпохи, родившейся в 2022-м. Тем ценнее максимально простое и понятное изложение того, что случилось и как во всём этом жить. Даже когда ты «чужой среди своих». Гудвин пошёл по своему пути до конца и победил. В каком-то смысле эта книга – инструкция, «как вести себя в условиях революции, не теряя лицо». К сожалению или к счастью, такие инструкции становятся всё более актуальны.

Всё описано очень чётко и конкретно – такими слегка простецкими словами я бы охарактеризовал авторский стиль. Ровно это и нужно в таких мемуарах.

История заканчивается в 2015-м, с явным прицелом как минимум на вторую часть. Надеюсь, однажды Гудвин напишет и её.

Приятного чтения!

Андрей «Фунт» Никитин

Эта книга написана для того, чтобы передать дух времени. Того времени, когда началась русско-украинская война. Дух 2014 года.

2014 год был эпохой героев, и мне посчастливилось стоять рядом с ними.

Я постарался передать свой опыт — чтобы тем, кто окажется в подобной ситуации, было легче принимать решения. Чтобы было легче бороться со страхом и найти смысл в происходящем вокруг хаосе. Иногда кажется, что смысла нет. Это не так — надо просто уметь искать.

Итак, поехали!

ДОНЕБАССКИЙ ПЛАЦДАРМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

21 ноября 2013 года на улицах Киева начались беспорядки. Президент Виктор Янукович отказался подписать договор об ассоциации с Евросоюзом, для его противников это стало поводом выйти на «Майдан Незалежности». Протестующие утверждали, что отстаивают европейский путь Украины, и выступали за максимальный разрыв связей с Россией. Акция получила название «Евромайдан».

Я наблюдал за происходящим по телевизору, и оно напоминало очередную постановку, реалити-шоу. Поэтому поначалу я не придавал Евромайдану большого значения, не принимал его всерьёз: сколько уже за предыдущие двадцать лет было этих майданов — которые, конечно, влияли на политическую систему, но к радикальным последствиям не приводили. Со временем я понял, что к майдановскому шабашу так же относилось и большинство жителей Украины, кроме тех, кто находился тогда в центре Киева по обе стороны баррикад.

Декабрь подходил к концу, и все мысли были только о предстоящих новогодних праздниках. А Майдан всё стоял, шумел и жёг покрышки. К январю майдановское реалити-шоу превратилось в дурацкий карнавал с пляшущими фриками и перестало вызывать какой-либо интерес. Всё изменилось 19 января 2014 года. В этот день в сотрудников «Беркута» и солдат Внутренних войск массово и безнаказанно полетели коктейли Молотова. Началось какое-то безумие. Правоохранители стали мальчиками для битья, которые не могли дать сдачи. Шли дни,

недели, противостояние на Майдане только нарастало, а количество жертв увеличивалось. Я начал понимать, что всё не так просто и весело, как могло казаться раньше.

В социальных сетях я как мог поддерживал бойцов «Беркута», которые мужественно, хотя и пассивно (не было приказа на решительное подавление) противостояли обезумевшим радикалам. Я пытался выискивать и публиковать видеоматериалы, которые обличали незаконность действий майдановцев. Но чем больше я вникал в происходящее, тем больше замечал, что мы имеем дело отнюдь не со стихийными спонтанными политическими протестами. Со всё большей тревогой я убеждался: приводится в действие тщательно спланированный, искусно срежиссированный сценарий с трагическим финалом для украинского общества.

Я не понимал, почему политическое руководство страны столь пассивно. Казалось, верховная власть самоустранилась, пустила всё на самотёк. В тот период душой и мыслями я был рядом с «Беркутом», но что конкретно стоит делать лично мне, ещё не понимал. Наступило 22 февраля. Государственный переворот состоялся. Янукович и его соратники сдали страну и сбежали. Майдановцы, как большевики за сто лет до них, просто «подобрали лежащую на улице власть». Наступила новая эпоха. Тогда я даже не мог представить, к чему это всё приведёт. Каких-либо политических и силовых методов противодействия наступившему безумию у нас не было. Я продолжал наблюдать и спорить с окружающими

меня людьми на кухнях (на улицах это было уже опасно). Ну а что ещё мне оставалось?

В первые дни и недели киевская революция вызывала ликование со стороны части жителей Украины и некоторых моих знакомых. По крайней мере, люди испытывали удовлетворение от изгнания из власти и страны унылого Януковича и его окружения. Общество начало трансформироваться и принимать новую реальность. С каждым днём я всё больше чувствовал себя чужим на этом празднике маразма. Чужими становились и многочисленные русские, веками проживавшие на землях, которые совсем недавно вдруг стали территориями независимой Украины. Новый украинский мир становился угрозой для всех нас. Для привычного уклада жизни, для традиций и ценностей, на которых мы выросли. Для самого существования нашего народа.

Я всё не мог никак смириться с тем, что произошло в Киеве, как и с тем, что править бал начали откровенные фрики. Они сразу же стали навязывать своё мнение всей стране. Проявление их маразма не заставило себя долго ждать. Первыми «гениальными» законодательными инициативами стали запрет русского языка и снятие запрета на использование нацистской символики. Я просто не мог поверить в то, что это происходит наяву, и было очевидно, что дальше будет становиться только хуже. Нужно было что-то срочно делать, как-то сопротивляться прогрессирующему всеобщему безумию. Но как? Масштаб катастрофы и мои личные возмож-

ности ей противостоять были несоизмеримы. Меня это по-настоящему угнетало.

С момента обрушения прежней системы прошло не так много времени, стали проявляться очертания новой реальности, и решение о том, как действовать, не заставило себя долго ждать. В марте по всему Юго-Востоку Украины прокатились массовые пророссийские митинги против госпереворота и киевской русофобии, а Россия присоединила Крым. У жителей Новороссии появилась надежда на спасение от революционного киевского режима. Я пристально наблюдал за происходящим, и вот уже 7 апреля, листая новостные ленты, я увидел обращение на вид очень испуганного и потрёпанного парня, который вещал из Донецкой областной администрации. Он призывал людей собираться в здании и вокруг него, чтобы всем вместе отстаивать свои интересы.

Я понимал, что, если останусь в родном Киеве, со временем мне придётся либо принять эту чужую реальность, либо маскироваться, быть «своим среди чужих» — иначе просто не выжить. Но я сделал иной выбор. Я решил присоединиться к донбасскому протесту. Я понял, что с новой реальностью можно и нужно бороться, а Донбасс — это плацдарм для освобождения от пришедших в Киев шовинистических бандформирований. Сейчас это звучит наивно, учитывая, что в Киеве десять лет спустя орудут те же бандиты, но на тот момент мне казалось, что мы можем всё исправить и вернуть привычную жизнь.

Уже на следующий день – 8 апреля – я прибыл в Донецк. Жене и родителям сказал, что уезжаю ненадолго в командировку. Я тогда даже представить не мог, что уезжаю на многие годы. Уезжаю на войну.

Донецк встретил меня пасмурной погодой. Для меня это был чужой и неизвестный город, в котором я не знал никого, но я верил в правильность своего решения. Прохожие подсказали, как добраться до Обладминистрации. Я сел в маршрутку и поехал. Вышел на остановке библиотеки им. Крупской и пошёл к огромному серому зданию. Около него стояла большая шумная толпа. На всю площадь играла песня «Русский марш» в исполнении Жанны Бичевской. Царила весёлая революционная суэта, немного напоминавшая предновогоднюю. Всюду реяли российские флаги.

В голове возникли детские воспоминания, когда мы всей семьёй ходили на парад 1 мая. Правда, флаги тогда были красные, советские. Ребёнком я очень любил тот парад. Любил гордо махать маленьким флагом СССР, не понимая, что вскоре этот флаг останется в истории.

Впрочем, в те весенние дни 2014-го советские флаги в протестных толпах тоже встречались – как дань прошлому, в котором у Донбасса всё было хорошо.

Но нельзя жить прошлым – надо строить будущее. Русское будущее Донбасса и всей Украины. Для этого я и оказался в Донецке – столице русского бунта против украинского нацизма. Однако русский бунт на тот момент выглядел как-то несерьёзно: добродушно, празднично.

Митинг русской весны в Донецке,
апрель 2014

Если бы не флаги и политические лозунги, залётные туристы могли бы легко перепутать революцию с карнавалом. Я тогда не совсем понимал, почему радуются все эти люди, когда в стране произошла трагедия. Вокруг здания были установлены довольно условные баррикады из автомобильных покрышек, мешков с песком и разной мебели, местами встречалась колючая проволока. На всём этом хозяйстве расселись крепкие фотогеничные парни, лица которых скрывались под чёрными масками, которые, как позже я узнал, назывались «балаклавы». В руках парней были обычные палки или бейсбольные биты. Я обратил внимание, что большинство балаклав были самодельные, с вырезанными отверстиями для глаз в обычных вязаных шапках. Вокруг повстанцев, ловя удачные ракурсы, сновали репортёры. Ребята в масках охотно позировали и давали интервью. Все ждали повторения крымских событий: армия РФ, референдум, воссоединение с Родиной. Никто и помыслить не мог, что это произойдёт лишь спустя восемь лет долгой кровавой войны.

Я зашёл в здание. На входе, как и на баррикадах, стояли несколько ополченцев в балаклавах. Один из них перегородил мне путь рукой, как шлагбаумом:

- Куда идёшь?
- На шестой этаж, к старшему, – решительно ответил я.

Ранее в соцсетях я контактировал с представителем донецкого Антимайдана. Стас – так его звали – был предупреждён о серьёзности моих

намерений и согласился помочь. Мы созвонились, и он сказал, чтобы я шёл на шестой этаж Обладминистрации, где старшим был его знакомый Александр Кишинец.

Пропускной режим в «штаб революции» был довольно условным. Парни стояли сурово, поигрывая битами, но обеспечивали не столько безопасность, сколько хорошие кадры для прессы. Меня никто не досмотрел и не спросил хоть какой-то документ. Если бы я был провокатором или агентом киевских спецслужб, то легко бы пронёс в здание хоть ядерную бомбу. Тогда я ещё не понимал, что большинство повстанцев пока просто играют — на серьёзное противостояние, как показало время, из них мало кто был готов.

24 Поднимаясь по лестнице, я обратил внимание, что на стеклянных дверях этажей, возле которых стояли такие же парни в балаклавах, были таблички с обозначениями городов Донецкой области: Углегорск, Соледар, Горловка... Я понял, что здесь собрались бросить вызов Киеву люди со всего Донбасса. На шестом этаже я зашёл в кабинет 610, который когда-то принадлежал председателю областной администрации. Там меня встретил Кишинец, которого все называли Сан Саныч. В помещении были и другие люди из окружения Сан Саныча. По обстановке я понял, что кабинет используется моими новыми соратниками в качестве спальни — в те дни ополченцы дневали и ночевали прямо в здании.

Мы сели за стол и коротко пообщались:

— Зачем ты здесь? — спросил меня Саныч.

– Я ещё толком не разобрался, но точно понимаю – с тем, что произошло в Киеве, нужно бороться, – ответил я.

– Если бороться, то ты по адресу, – спокойно и с улыбкой, которая олицетворяла уверенность и какие-то высшие знания, произнёс Саныч.

Весь наш разговор проходил в таком же ключе. Сан Саныч излучал спокойствие, уверенность в своих силах и понимание ситуации. Мне показалось, что я действительно пришёл по адресу. Тогда я не понимал, что Саныч, как и большинство тогдашних руководителей силового блока ДНР, вообще не понимают, что нас ждёт и что с этим всем делать. Они взвалили на себя кучу лидерских и управленческих функций, не имея ни опыта, ни навыков, ни понимания того, что от них зависит не просто успех восстания, а судьбы и жизни людей. Главари ополчения взяли на себя непосильную ношу, но не могли себе в этом признаться.

Саныч поручил мне быть старшим шестого этажа. Да, в тот период на каждом этаже и на каждом углу этого революционного муравейника было много старших, много руководящих должностей, много звучных эпитетов. И чем должность звучала серьёзней, а эпитет звонче – тем, как правило, менее значимым был персонаж в реальной жизни. Как и всякая революция, донецкие события предлагали молодым амбициозным мужчинам большое количество вакансий, социальные лифты ходили вверх со свистом. Для иных пассажиров, впрочем,

лифты столь же быстро ходили вниз. Политические карьеры взлетали и рушились в те дни быстро. Так выглядят все революции.

Каждое утро и каждый вечер я проводил построение всех обитателей шестого этажа.

Наш быт в этот короткий период напоминал жизнь в пионерском или спортивном лагере с построениями, приёмами пищи и весёлыми играми. Каждый день перед нашим зданием собиралась толпа людей с российскими флагами, играла бодрая патриотическая музыка. Всем было интересно и весело. Каждый чувствовал себя частью чего-то большого, каждый ощущал себя важным участником исторических событий в эпоху перемен.

В нашем коллективе были ребята с криминальным прошлым. Все знали, что я бывший офицер милиции, но их это не смущало: объединившее нас дело было важнее социальных предрассудков.

12 апреля я возвращался с Санычем с совещания, и в этот момент мне позвонила мама. Взволнованным голосом она сообщила, что мой отец умер в больнице.

В двадцатых числах февраля отец гостил у своей мамы, моей бабушки, в Киеве. Перед тем как вернуться домой, он решил сходить на Крещатик – посмотреть, что собой представляет тот самый Евромайдан. Проходя по Бессарабской площади, отец заметил, что группа мужчин в камуфляже и масках избивают мужчину. Как позже стало известно, это были представители «самообороны майдана». Отец когда-то служил в ВДВ и был

участником боевых действий, поэтому не мог пройти мимо и заступился за мужчину. Май-дановцы переключились на моего отца и стали его избивать. Они повалили его на землю и ударами ног поломали рёбра; одно ребро проткнуло правое лёгкое. В больнице отцу сделали несколько операций, но это только продлило агонию, и вскоре он умер.

– Ты приедешь на похороны? – тихим голосом сквозь слёзы спросила мама.

Мы не были близки с отцом, но от этой новости в моей голове со скоростью света промчались детские воспоминания... Я не страдал, но чувствовал утрату. Утрату эпохи, утрату части моей жизни, утрату старого мира, в котором жил я и мои родители. Почему-то именно сейчас – хотя у меня уже были свои дети и я давно осознавал себя взрослым – я почувствовал, что детство безвозвратно ушло.

Я продолжал молчать в трубку. Воспоминания о прошлом сменились прагматичными сообщениями текущего времени. Пришло понимание того, что мне впервые предстоит сделать выбор и оценить серьёзность своего решения приехать на Донбасс и вступить в борьбу. Не думал, что этот выбор придётся делать так быстро.

– Нет, не приеду, – сухо ответил я.

Мать даже не пыталась меня уговорить провести отца в последний путь. Она почувствовала, что для меня это важное и окончательное решение.

Мои революционные дни продолжались. Понимая серьёзность происходящего, я тоже стал но-

сить чёрную балаклаву, когда выходил за пределы кабинета, который на короткое время стал нашим домом.

В один из дней Саныч отправил меня на какое-то очередное совещание. На нём люди с серьёзными лицами со знанием дела выбирали способы доказать свою преданность тогдашнему мэру Донецка Лукьянченку. Я не совсем понимал, что происходит. Мне казалось, что действующий мэр, мягко говоря, не за нас.

– Предлагаю освободить два верхних этажа от людей, чтобы мэр понял, что мы готовы к диалогу, – сказал один из этих странных людей.

– А что мы скажем людям, которые находятся там? – спросил другой.

– Скажем, что на этих этажах будем делать ремонт, – парировал первый.

Ремонт в разгар революции, ага. Буквально такой уровень мышления демонстрировали те, кто должен был выражать интересы протестующих дончан. Я был в замешательстве от такого поворота, не понимал, что происходит, и чувствовал себя чужим на этом банкете. Хорошо, что мне не пришлось держать слово в этой странной и непонятной для меня ситуации. Я был не силён в политике и допустил, что, возможно, идут переговоры за какие-то уступки со стороны мэрии. Конечно, об услышанном я доложил Санычу. Он в привычной спокойной манере сказал, что всё будет хорошо и никто нашей борьбе не мешает. Да, Саныч умел заражать спокойствием и уверенностью.

Этажи нашего большого здания продолжали укреп-

ляться и баррикадироваться. Каждую ночь мы ждали штурма со стороны украинских силовиков. На каждом этаже разливались по бутылкам коктейли Молотова. До сих пор не понимаю, как никто случайно не поджёг это всё и мы не сгорели. Было бы обидно пасть столь бесславно в самом начале борьбы.

14 апреля Саныч провёл короткое совещание в нашем кабинете. Людей было больше, чем обычно. Всегда спокойный и в своей спортивной кепке Миха. Импульсивный, эмоциональный Саня. Сдержанный Игорёк, который вскоре обретёт позывной Хромой. Впервые увидел Костю «Шахтёра» Кузьмина, который тогда ещё не был легендарным комбатом, — с ним мы дружим по сей день. Молчаливый Коля «Лесник», который молча всегда был готов «на любой кипиш, кроме голодовки». Был ещё один Коля, которому прямо сейчас хочу дать прозвище Рейнджер. Он был страйкболистом и всегда носил дорогую форму цвета олива с элементами военного снаряжения. Выглядел Коля Рейнджер брутально, словно сошёл с плаката американского боевика. Даже наколенники носил по этажу. Будто заранее знал, что будет война, на которую он не пойдёт, но для массовки постоит. Среди нас был также Василий — как оказалось позже, у него был брат-близнец.

С нами был ещё один мужчина лет сорока с позывным Золотой. На вид он был серьёзен и немногословен. Ходил в форме серо-голубого цвета и бронежилете второго класса. В отличие от Коли Рейнджера, Золотой знал, что делает. В кабинете с нами он не жил, но всег-

да появлялся перед каким-то опасным замесом. Через несколько месяцев мы встретимся с Золотым в составе Славянского гарнизона в день выхода из Славянска в Донецк. Был ещё странный парень по прозвищу Хохол. Он всегда улыбался, и всегда неискренне. Чаше всех скрывал лицо под балаклавой, хотя всегда демонстративно играл роль «в доску своего» парня.

Также в этот день, 14 апреля, к нам пришёл новенький. Если память не изменяет, звали его Дмитрием, и он был моим земляком с Киевщины. Через пару месяцев мы с ним повстречаемся уже в Славянске. На совещании Саныч объявил, что ближе к вечеру наша группа выдвинется в Славянск, который уже был под контролем группы Стрелкова. — Я хочу познакомиться с зелёными человечками и их командиром. Попрошу у них оружие для нашей группы. Правосеки активно вооружаются. И нам нужно, — спокойно и уверенно объяснил Саныч.

Тогда он ещё не знал, что никаких «зелёных человечков» (в крымском понимании) в Славянске не было. Там были такие же добровольцы-романтики, как и мы. Только командовал ими отставной полковник ФСБ, а не самоучки, как мы.

В условленное время мы вышли на парковку, находившуюся между Областной администрацией и улицей Богдана Хмельницкого. Там нас ждала грузовая «Газель». Нас было восемь. Около машины я увидел человека в серо-голубой форме с майорскими погонами и нашивками

«Беркута». Офицер переговаривался с Кишинцом. Саныч представил его нам как майора «Беркута» по имени Славик и сообщил, что тот едет с нами, чтобы мы беспрепятственно могли пройти блокпосты по дороге в Славянск. Они сели в кабину, мы с пацанами погрузились в кузов и поехали.

В Славянск приехали затемно. Саныч со Славиком пошли в штаб ополчения общаться со Стрелковым. Через некоторое время они вернулись. У Саныча в руках был серый металлический ящик с пистолетами. Первый ПМ достался мне. В нём была полностью заряженная обойма. Следующий пистолет командир вручил Золотому, а затем всем остальным; кроме человека с позывным Хохол. Видимо, этот персонаж вызывал недоверие и у Саныча. Хохол обиделся и ушёл. Больше его не видел.

Раздача оружия всех воодушевила: здесь ребята явно посерьёзней, чем в карнавальной Донецке. Заварушка обещала быть знатной.

Мы отправились в местный РОВД и разместились там на ночлег. Все входы в здание были закрыты большими баррикадами, через которые приходилось перелезать, чтобы попасть внутрь. Саныч сообщил, что мы разделимся на двойки и будем патрулировать центр Славянска до двух часов ночи.

Безобидное приключение продолжалось. Мы неспешно ходили по ночному городу, знакомились с ним, осваивали новое пространство. Вскоре Славянск — символ восстания Донбасса в 2014 году — станет для меня очень близким. На следующее утро мы выехали в Донецк.

главный редактор: *Дмитрий Николаевич Бастраков*
литредакторы: *Андрей Валерьевич Никитин*
и Александр Григорьевич Жучковский
арт-директор: *Никита Викторович Лукинский*
верстальщица: *Софья Игоревна Алексеева*
корректор: *Михаил Спартакович Тейкин*
технический редактор: *Тимур Русланович Венков*

Выпуск подготовлен
командой издательства
«Чёрная Сотня»

сайт и магазин: chernaya100.com
телеграм-канал: t.me/chernaya100
группа ВКонтакте: vk.com/chernaya100

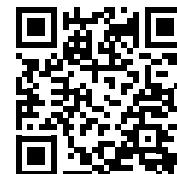
Вы прочитали ознакомительный фрагмент книги Даниила Безсонова «Чужой среди своих». В полной версии книги 318 страниц и более 70 фотографий.

Приобрести книгу можно на сайте издательства:
chernaya100.com

Приглашаем посетить нашу книжную лавку «Листва» в Москве и Петербурге. Там регулярно проходят встречи с авторами, политиками и общественными деятелями.

В Ростове-на-Дону у нас есть «Зелёнка» — милитари-версия «Листвы», где помимо книг можно закупить бронезащиту и снаряжение.

Адреса легко найти в онлайн-картах.
Будем ждать!

Все наши проекты:
chernaya100.com/card